

НАТАЛИЯ СТЯЖКИНА

ПТИЧКА МОЯ

ПОВЕСТЬ

Глава первая

Нежно-серое утро разливалось по комнате, ласково щекотало ноздри. Всего одно мгновение. Следующее мгновение повергло в шок до дикой слабости в ногах. Я лежала в чужой спальне, совершенно не помня, как оказалась в этой комнате. И судя по смятой рядом подушке и откинтому одеялу, спала здесь не одна. За дверью, прикрытой портьерой, на балконе курил Глеб, чужой, в общем-то, мне человек.

Как это со мной могло произойти? Какая гадость!

Тихонечко вынырнув из-под одеяла, с облегчением увидела на себе бельё и колготки, нашла своё платье на тумбочке рядом, аккуратно свёрнутое по-чужому — конвертиком. Судорожно, путаясь в рукавах, натянула его кое-как, гармошкой и рванула в тёмное пространство за дверью. Справа прихожая и входная дверь. Где-то здесь должны быть сапоги, пуховик и сумка. Я шупала в темноте чьи-то ботинки, когда резким щелчком включился свет.

— Сбегаешь от меня? Вот так, не попрощавшись даже? С добрым утром!

Я увидела Глеба, который стоял сзади меня, облокотившись о косяк, в характерной позе хозяина, провожающего гостя.

— Нет, просто... С добрым. Да, я хотела уйти.

— У меня тут есть целый мешок колумбийского кофе...

СТЯЖКИНА Наталия Владимировна родилась в 1980 году в Москве в семье учёных. В 2002 году с отличием окончила МПГУ (МПГИ имени В. И. Ленина) по специальности сурдопедагогика, филология. Работала учителем в школе для глухих детей, литературным редактором. Пишет эссе, рассказы, очерки. Публиковалась в газетах "Завтра", "Московский литератор". Изучает культурологию, русскую философию.

— Глеб, я должна прийти в себя. Мне не свойственно вот так... это вообще не моё! Прости!

Он подошёл ко мне и ласково, немного с вызовом дотронулся до подбородка, чуть приподняв моё лицо к себе. Всё это напоминало какой-то глупый водевиль. Я молчала, глядя ему в глаза.

— Послушай меня, девочка. Ты просто вырубилась вчера в кресле. Сидела, улыбалась, и вдруг раз — смотри — спит. Свернулась калачиком, закуталась в плед. Потеплела, как котёнок... Это не стыдно. Это не страшно. Ничего не случилось, поняла?

Щеки и уши вспыхнули нестерпимым жаром. Я знала, что он это заметил. Но было уже всё равно.

— Да. Просто... мне очень неловко. Раздел меня... Мне кажется, я никогда в жизни так не уставала!.. А потом это вино вкусное. И твой глинтвейн... Ничего не помню. Кошмар.

— Я боялся, что ты сбежишь, как только проснёшься. Даже на ключ дверь закрыл. На диван вчера пролили шампанское, поэтому положил у себя. Хотя... Всё равно бы положил у себя. Честно признаюсь. Но я тебя не трогал. Только платье снял, тебе в нём жарко было.

— Спасибо...

— Сейчас я такси вызову. Какой адрес отеля?

Действительно, какой? Полезла в WhatsApp, смотреть сообщения от Ираклия.

— Суаридзе, та-а-ак... Сейчас...

На улице мерцало, искрилось зимнее петербургское утро. Позёмок, поднимая дымку снега, охватил колени ледяным порывом. Во дворе-колодце никого не было. Глеб, запахнувшись в пальто, гулко открывал мне тяжёлые ворота дома.

— Давай, миленькая. Не пропадай, Бога ради! Днём буду вызванивать тебя. Хорошо? Ладно?

Поцелуй, небритый подбородок больно царапнул щёку, и я нырнула в темноту салона такси.

Первым делом душ. Потом спать. И ни о чём не думать! Как хорошо, что до 4-х никуда не надо... Мимо меня в тёплых окнах проплывал скованный льдом рассветный Петербург. Синтетический запах отдушки действовал наркотически, хотелось прижаться лбом к стеклу, прикрыть глаза и вот так нестись мимо домов, соборов, бульваров, переулков — часами, сутками напролёт...

Номер оказался хорошим. Тёмным и тихим, как сейф. Проснулась в сумерках. Провинулась к телефону, похолодев в ужасе, что опять проспала целую жизнь. Но нет. Неответственные незначительны, и до выхода оставалось целых полтора часа. Розовые тёплые сумерки, томно разлитые по комнате, были фикцией от плотно задёрнутого бордовым гостиничным атласом окна. В запасе для размышлений двадцать минут. Я переметнулась на соседнюю прохладную подушку и начала вспоминать вчерашний нескончаемый день. День, в который случилось что-то такое, что должно перевернуть всю жизнь. Я это чувствовала. Вернее, нет, — знала.

Позавчера мне позвонил мой научный руководитель:

— Настя... Простите, не отвлекаю? — Обострившийся грузинский акцент на фоне осипшего голоса мог говорить только о двух вариантах: либо это отчаяние от чего-то приключившегося, либо Суаридзе взбешён, и моя диссертация в очередной раз выкинута на помойку. Был третий вариант — комбо, но о нём я не успела подумать. — Анастасия Романовна, умоляю вас!.. Со мной приключилась беда! Опять эти приступы. Ни лечь, ни встать, ничего!.. Сейчас была "скорая". Хотел ринуться на обезболивающих, но они непреклонны, нельзя! А завтра ехать на презентацию книги Стогова, в этот... как его?.. на Литейный! Столько разговоров было, столько готовился, и вот!..

Лифт, уютно скрипнув, задвинул дверь и, лениво покачивая ламинированными стенками, стал меня поднимать.

— Чем я могу помочь, Ираклий Владимирович?

— Я понимаю, это страшно неудобно, но мне некого просить, я умоляю тебя — выступи там. Это очень нужно руководству, они просили его завлечь. Он нам нужен, возможно, на будущий год удастся договориться о небольшом курсе. Какие-то даже зацепки уже есть. От тебя требуется проявить внимание со стороны нашего университета. А мы потом с ним поговорим. Он выслал нам приглашение на презентацию, мы же его родная кафедра...

На другой день Суаридзе, как-то неровно шагая, вышел из своего коттеджа встречать меня в шерстяной лыжной шапке с понурым помпоном из далёких шестидесятых, роскошном кашне и распахнутой дублёнке, из-под которой виднелась огромная пуховая шаль, обмотанная вокруг поясицы. Он дал мне книгу Стогова, несколько листов с тезисами выступления и какую-то непримично огромную пачку денег в банковской перевязке.

— Возьми-возьми-возьми-возьми! Там организаторше надо отдать, она скажет, я должен, остальное — это компенсация. Командировочные, то есть. Это совсем немного, так кажется только. Возьми по-человечески просто! Возьми, я истерзал тебя.

На прощание он по-отечески обнял меня, сообщил, что это мой первый настоящий бой, и уже в спину патетично выдохнул:

— Порви этим питерским задницу!

Глава вторая

Как Суаридзе и обещал, за полчаса в вестибюле перед входом в малый зал меня встречала миниатюрная пожилая дама, одна из организаторов вечера.

— Вы Анастасия Романовна? Я Мила. Рада вас видеть! Пойдёмте, я вас представлю. Одежду можно будет оставить там, у него.

Виновник торжества сидел в небольшой гримёрной и что-то нервно набирал в смартфоне.

— Глебушка, познакомьтесь, это Анастасия Романовна, от Суаридзе. У неё выступление на пять минут. Анастасия Романовна, это Глеб Дмитриевич. Собственной персоной!

Глеб порывисто вскочил. Я как-то видела его на фотографии. На снимке он был самый обычный итальянец — ухоженный, загорелый, с тонкими руками и красивой, очень располагающей улыбкой. Помню, удивилась тогда, как быстро человек утратил признаки русскости во внешности. Сейчас он был почти такой же, как и на фото, — бархатный пиджак необыкновенно глубокого орехового оттенка сидел идеально. Лёгкая небритость, аромат изысканного парфюма и внимательный, прямой взгляд выдавали в нём ловеласа. Однако уставшие глаза, обаятельная паутина морщинок и нервность в каждом жесте сообщали о возрасте, который он, судя по всему, ощущал. Обычный и лёгкий человек. Я смело протянула руку:

— Рада знакомству. Настя.

— И я... рад, рад знакомству... Глеб... О-о-о... Мне говорили, что с кафедры кто-то приедет, что Иракий болен. Но чтобы... это были вы... Наша родная кафедра процветает, как погляжу! Очень признателен вам за то, что приехали, за то, что выступите.

Он проговорил первые слова привычной светской скороговоркой, но затем встретился со мной взглядом и остановился. В его глазах отчётливо промелькнуло удивление, очаровательный огонёк интереса и одновременно тёплое расположение, которое волной охватило весь его облик и передалось мне. Он всем корпусом наклонился ко мне, взял мою руку и неожиданно прижал к груди. Мила проворковала:

— Глеб Дмитриевич, мы нашу гостью пока здесь устроим?

— Да, конечно, Настенька, располагайтесь здесь! Тут будет удобно всё оставить.

Приобняв меня за талию, Мила ласково подвела к дивану напротив кресла Стогова.

— Присаживайтесь, Анастасия Романовна. Вот тут виноград, шоколад, орешки... Вода, чай, пожалуйста! Угощайтесь. А я отойду на три минуты.

Мила скрылась, мы остались наедине.

— Вы простите. Я в нервном расстройстве, в некотором роде, конечно. Уже жалею, что поддался на уговоры. Этот питерский народец такой настырный! Мы, москвичи, менее цельные, более мягкие. Бр-р-р... Бьёт током от одной мысли, что весь этот ужас начнётся совсем скоро.

— Понимаю. Но вечер пройдёт прекрасно, публика вас уже любит! Презентация — дело в этом смысле выгодное. — Я улыбнулась.

— Благодарю вас! Ваши слова да Богу в уши! Чаю? Не хотите?

Я поблагодарила и подвинула свою чашку к чайнику. Он дописал что-то в смартфоне, отложил его, без спросу налил мне крепкий чай (странно, именно с такой крепостью я всегда его пила) и снова пристально на меня посмотрел.

— После вечера, пожалуйста, если вдруг начнётся суматоха, и я не смогу сразу к вам подойти — не уходите. Вы ведь не сегодня уезжаете в Москву?

— Нет. У меня есть ещё дела в Петербурге. Вероятно, через два дня.

— Это прекрасно! Значит, мы сможем пообщаться. Я хотел расспросить об университете, как сейчас у вас там всё обстоит. Вы после вечера дождитесь меня, пожалуйста. Я могу задержаться немного. Но вы покушайте, тут много разной снеди. Всё в вашем распоряжении.

— Хорошо. Конечно!

Разговор об университете напрягал. Суаридзе ясно дал понять, что они крайне заинтересованы в Стогове, и мне не хотелось бросать какую-либо тень лишней информации на их планы. Но думать об этом было уже поздно, так как меня позвали в зал. Мила подходила и уходила, знакомила меня с каким-то бесконечным потоком гостей, все ласково и покровительственно мне улыбались, интересовались здоровьем Иракия, передавали ему приветы из самых разных точек мира и отходили. Сосредоточиться перед выступлением и ещё раз всё обдумать я не успела. Значит, будем выплывать, импровизировать, как умеем. Главное начать, а потом сформулировать приличный конец. Остальное менее важно.

Вечер был дивный. Публика собралась действительно прекрасная, невероятно отзывчивая и воспитанная. Стогов, при всей своей уверенной импозантности, сильно волновался. Он отпустил себя, не пытался это скрыть, и это правильно. Благодаря этому Глеб был естественен, доступен и очарователен. Прочитав по диагонали его книгу, проработав и осмыслив основные тезисы, послушав его самого и предшествующих мне гостей, я согласилась с мыслью Суаридзе, что Стогов если не гений, то, безусловно, где-то на подходах к Олимпу. Я поняла, что мой приезд и моё выступление не должны стать данью вежливости и этики научного сообщества, равнодушно-комплиментарным ходом. Моя речь должна выглядеть признанием. Без лишних эмоций и фактологии. Актом любви по отношению к редкому дару и прозрению мастера.

Я знала этот трепет и восторг, когда хочется взвизгнуть, подпрыгнуть и, расправив крылья, со сладким замиранием сердца взмыть ввысь. Счастье восхищения и обретения. Именно это чувство охватило меня вчера и вынесло на сцену.

Талант — это тайна. Чем владеем мы и кому принадлежат наше тело и душа, когда мы производим на свет великую энергию миротворения? Искусство — это высшее проявление человека или...? Только ли человека?

Древние греки и римляне верили, что творцом владеют духи, сократовские демоны, потусторонние гении, которые надиктовывают ему вирши и идеи.

Рациональные гуманисты прославляли человека, который в гордом одиночестве и ореоле дара творит всё сам, без вмешательства и помощи потусторонних сил.

Мы же, современные люди, дети двадцать первого века, в благодарности преклоняемся перед собственным подсознанием, что, по нашему убеждению, так изощрённо и метко надиктовывает нам наши творения.

Возможно, и мы ошибаемся? Ведь если наше творческое созидание — это только наше подсознание, то получается, мы должны легализовать те

психотропные вещества, которые расширяют и делают ярче наше сознание. Почему нет? Я вижу возмущение на ваших лицах. Значит, в этой системе есть сбой. Памятуя о мысли известного психолингвиста, вашего земляка, что наш мозг нам не принадлежит, хочется спросить: а кому он принадлежит тогда? И почему работа только лишь над подсознанием бесполезна и опасна? Чем опасно вообще неправильное толкование своего Я в искусстве? Кривое зеркало психоанализа и убожество современного искусства — не звенят ли одной цепи?.. И не пора ли нам остановиться и оглянуться на традиционное искусство, пока не поздно?

Возможно, ответив на этот вопрос, мы приблизимся к отгадке тайны творчества. Для чего нам нужна эта отгадка?

Все мы пребываем в лоне седьмого дня творения. Возможно, на его закате.

Многие провидцы сегодня чувствуют дыхание последних времён. Вре-мён, одним из признаков которых будет мир и безопасность на всей планете при тотальном отсутствии любви. Любви нормального адекватного человека — к родителям, детям, возлюбленным, миру человеческому и миру божественному.

Что должно произойти с человеком, чтобы он перестал любить? Чтобы он утратил любовную связь с миром человеческим (миром науки и искусства) и миром божественным (религия, природа)? Что должно произойти?

Не надо моделировать мир апокалипсиса. И не надо изображать искусственную преждевременную агонию, боясь и кликушествуя на ровном месте. Надо ответить на вопросы о любви. Как нам не утратить её?

Мы — культурологи, историки искусства, искусствоведы — приставлены охранять и блюсти покой мирового искусства. Его истинность, его правду, его сохранность, незаблемость. Искусство — один из мощнейших проводников любви. Мы должны сделать всё, чтобы этот проводник не исчез.

Глеб Дмитриевич как искусствовед, чьи имя и слава гремят во всём цивилизованном мире, даёт ответы на эти вопросы. Новые, более конкретные, более прочувствованные, более адекватные времени, спасительные ответы...

Это было начало. Мне было важно добиться от себя в речи сердечности и искренности. Всю ночь и весь день до знакомства со Стоговым меня мучил единственный вопрос: “Как я смогу честно и при этом комплементарно рассуждать о книге и её авторе, не имея чёткого представления и собственного мнения о них?” Выдрессированная планка Суаридзе не позволяла мне сдать-ся. И какое же было счастье, когда я смогла, успела составить своё собственное мнение, вычленив собственные мысли и взгляды и скомпилировать всё это с тезисами Суаридзе, которые, как родниковая водичка, в своей чистой и незаблемой научности заполнили центральную, расслабляющую часть моего выступления.

Помимо этого вопроса были и начавшие разгораться сомнения о своём месте и уместности на этом вечере (двадцатитрёхлетняя аспирантка, “совсем ещё ребёнок”). Я закончила так:

— Глубокоуважаемый Глеб Дмитриевич! Дорогие слушатели! Я поздравляю вас с началом новой эпохи. Своей монографией вы совершили прорыв в синтезе и синкретизме наук. Благодаря вам, нам открыт значимый фрагмент новой традиционной системы паттернов для глубокой духовной и культурной жизни в современных условиях тотальной разбалансировки ценностной шкалы человечества. Жизни в любви. Вы, Глеб Дмитриевич, в своём вступительном слове обмолвились, что монография ваша не что иное, как “старые песни о главном”. Позвольте с вами не согласиться. Ваш труд — новые, невероятно востребованные в будущем “песни о главном”. Мы, юные, в своём благородстве молодости чувствуем новое всеми фибрами души, и вы, опытные и мудрые, должны нам верить. Благодарю вас за внимание!

Медленно поднимаясь по ступеням к выходу из зала, проходя сквозь поздравления и комплименты, я думала только об одном — оставаться мне или нет. Завтра ближе к вечеру мне надо было встретиться с бабушкиной подругой, а послезавтра с раннего утра ехать два часа на электричке на дачу к своей подруге и своему крестнику. Ночью они должны привезти меня на вокзал.

Общаться со Стоговым... зачем? Конечно, интересно. Бесспорно! Но всё же — ради чего? Всё, что от меня требовалось, я сделала. Моя миссия на этом заканчивалась. Или... я усугубляю и вижу проблему там, где её нет?

Я решила положиться на случай. Стогов был занят задачей автографов. Очередь к нему выстроилась немаленькая. Мой путь был очень простым: лестница, туалетная комната, гримёрная, где я оставила верхнюю одежду, вестибюль, выход. Если бы мне встретился Глеб или кто-то из организаторов и попросил остаться — я бы осталась. Если нет — нет. “Побуду Золушкой. Трусихой. Ничего страшного”, — облегчённо решила я. И тут же услышала за собой уже знакомый голос, почти крик:

— Настя, я вас очень прошу, подождите меня в гримёрке!

Стогов махал мне поверх голов почитателей, что окружили его для подписи книги.

“Не успела”, — подумала я, и тут же с удивлением почувствовала радость в замирающем сердце и облегчение.

На удивление, я ждала его недолго. Или так время пронеслось, что я не заметила. Резко, с шумом он ворвался в гримёрную, распахнув настежь дверь.

— Ждёшь! Какое счастье! Это всё тебе! Посмотри, какие дивные каллы! А вот эти гвоздики! Твоя речь была глубже, чем моя монография. А ведь это была твоя речь! Суаридзе там и не пахло!.. Боже мой, ты сокровище! Следующее издание выйдет с твоим предисловием. Нет! следующим изданием будет твоя монография с моим предисловием!

Горячая волна, настоящий шквал внимания и обожания без каких-либо прелюдий обрушился на меня с первым его взглядом. Он бросил мне на колени ворох цветов, поставив стул напротив, сел на него верхом, спинкой вперёд, и стал смотреть на меня.

— Спасибо за цветы. Хотя они всё равно ваши... Вы меня смущаете. Мне неудобно от такого пристального взгляда.

— Ты, ты!.. Настя, говори мне “ты”.

— Извини, я не привыкла... Наверное, можно открыть здесь форточку? Или дверь... Очень душно.

— Всё, ладно. Мы идём отсюда. Заказан столик в ресторане, здесь неподальку, в переулке. Собирайся.

Он действовал быстро и решительно. Схватил мой пуховик, помог одеться.

— Нас ждут внизу. Небольшая компания. Немного посидим.

В вестибюле нас действительно ждала компания из полутора десятков человек. Со всеми я уже была знакома благодаря Миле, которая тоже шла с нами.

— Мы немного опаздываем. На полчаса. Но это ничего страшного. Я их предупредила. Мы к ним уже лет двадцать ходим. У них совершенно изумительное вино. Кахетинское. Ираклий Владимирович бы оценил! А чахохбили, хачапури, пхали... М-м-м... Глеб попросил, чтобы грузинский ресторан был. Соскучился. У них там этого ничего нет ведь... Сейчас только по гололёду допрыгать осталось.

Мила взяла меня под руку. Стогов шёл с издателем. Рядом чинно вышагивали, стуча каблуками, дамы-профессорши. Даваясь от хохота, позади всех шли друзья и коллеги Глеба. Кто-то из них прилетел из Лондона, кто-то — из Парижа, кто-то так же, как и я, — из Москвы. Выйдя из театра, мы углубились во дворы, проходя узкие и неприветливые арки, оставляя за собой эхо оживлённых разговоров и облачко благородных ароматов. Говорили, как всегда, обо всём и ни о чём. Мелькали знакомые и незнакомые фамилии, кто-то что-то сказал, издал, рассказал, показал. Я мало участвовала в этих разговорах, меня никогда не интересовала богемная и околонучная жизнь незнакомых мне людей. Я всегда была сама по себе, не вступая в союзы, партии, компании и тусовки. Наверное, это было наследственное...

Возможно, мне казалось, но Мила словно ограждала меня от суевы и пустоты богемных разговоров. В ресторане она села рядом, закрыв собой от шумной компании мужчин, сидящих возле неё. Потчевала и кормила чуть ли не с ложечки. Возможно, поэтому людей, сидящих за столом, я совсем не

запомнила. Хотя каждый из них был знаменитостью и яркой личностью... Ко мне подходили, подсаживались, заговаривали, начиная с вкрадчивых комплиментов, но Мила воинственно, как мать-орлица, отбивала от меня всех:

— Дайте девочке отдохнуть!.. Только что с поезда, устала!..

Милые разговоры с примесью слухов и сплетен перетекли в интеллектуальные споры в бархатных тонах и велеречивые тосты в честь Стогова. Вино лилось рекой, нескончаемые речи убаюкивали.

— Ты любишь грузинское пение? — неожиданно подойдя сзади, коснувшись губами моего затылка, спросил Стогов.

— Люблю, если не громко. Фоном.

— Значит, сейчас будет фоном. Мила Львовна, я на секунду украду у вас Настю? — Глеб наклонился к уху Милы.

— Что же я могу против тебя? Кради! — Мила подмигнула мне, легонько похлопав по руке. Глеб Дмитриевич, видимо, обладал особыми полномочиями.

— Анастасия Романовна, можно вас на минуточку?

Сердце застучало, я заторопилась. Ну вот, сейчас он будет спрашивать меня про университет. Как это не вовремя! Голова немного кружилась, в ногах — странная тяжесть.

Мы вышли в основной зал ресторана. В правом углу, в полутьме звучало тихое мужское многоголосие. Хор из семи красавцев, одетых в национальную одежду, негромко тянул дивную песню на грузинском языке. Глеб направил меня к противоположной стене, усадил на диван возле выхода.

— Скажи, ты устала?

— Немного.

— Хочешь, я всё сверну? Я обещал показать фильм сегодня у себя. Я снимал его для итальянцев, на заказ, но, думаю, русской публике он дороже. Сегодня будет в своём роде закрытый показ, для своих и заинтересованных. Хочу, чтобы ты тоже его увидела. Давай немного сейчас прогуляемся. Я остановился недалеко. Ты у меня отдохнёшь, там будет время. В одиннадцать или чуть попозже подъедут люди. Миле и нашим дамам пора домой, они набегались сегодня порядочно. Сейчас их отправлю. Пойдём, прощаемся.

Он не поинтересовался у меня — хочу ли, могу ли я ехать к нему смотреть фильм, считаю ли приемлемым оставаться с ним наедине... Со вчерашнего вечера, с момента звонка Суаридзе у меня оставалось странное ощущение, что кто-то взял меня за руку и вёл по крутым и тёмным ступеням судьбы. Я отдавала себе отчёт в том, что моё сопротивление даже не будет замечено, потому что я каждой нервной клеточкой слышала, как стучали и скрежетали невероятно мощные рычаги и шестерёнки чьего-то очень волевого замысла и желания. Обидное в тот момент заключалось в том, что я не могла расслышать, почувствовать, может быть, даже просто поверить, чего же на самом деле хотели от меня? И главное: что творилось с моими желаниями?.. В тот момент я ощущала себя слепоглухим, которого быстро и уверенно ведут по дороге без обочин над обрывом... “Когда ничего не знаешь, не понимаешь, — проси о знаке и тихонечко подгребай к берегу”, — говорил всегда папа. Это я и пыталась сделать.

Через четверть часа все действительно стали подниматься и собираться. На прощание Мила дала мне свой телефон:

— Запишите, Настенька. Я профессиональный организатор всего и вся. У меня огромное количество связей, город мой. Если что-то нужно будет вам, если просто покажется, что я могу быть полезна, — звоните, не раздумывая, хорошо?

— Благодарю вас, Мила!

— Вы сегодня вдохновили всех своей лёгкостью, молодостью. И при этом от вас исходит такая, знаете, надёжность, спокойствие, старомосковская интеллигентность. Мягкая, тихая, тёплая, как свет лампы. Я вам желаю не угасать никогда. Вы уникальны.

Её слова меня растрогали. Я пожала ей руку, сдерживая неожиданно наворачившиеся слёзы.

— Благодарю вас, Мила. Ваши слова невероятно для меня ценны!

— Дайте мне свой номер телефона, Настенька. Вы наверняка не будете меня беспокоить завтра, а я буду волноваться. Разрешите вам набрать? Старая, переживательная стала.

— Конечно, пишите!..

Я продиктовала ей свой номер. Мы проводили её до такси. Глеб долго благодарил Милу, обнимал и целовал руки. Наконец, дверь захлопнулась, и такси, шурша, в белом морозном пару умчалось. Глядя вслед машине, Стогов задумчиво проговорил:

— Мировая тётка. Очень умная, но при этом и добросердечная необычайной. Редкое сочетание. Крёстная моей сестрицы, родственница, можно сказать... — Затем, обернувшись ко мне, с улыбкой добавил: — А можно и мне попросить твой телефон? Я тоже стал много переживать. С сегодняшнего дня особенно.

Достал смартфон, вопросительно взглянул на меня.

— А я взамен тебе свой дам... Все свои — и русский, и итальянский, и домашний здесь, и домашний там... Какие там у меня ещё есть? — он шутливо нахмурился, словно вспоминая.

— Дай все, какие вспомнишь.

Я сообщила ему свой телефон, он продиктовал мне два мобильных номера, заглядывая через руку — правильно ли записала.

— Ну всё, закрепились... А сегодня ветрено. Я позавчера прилетел, было тепло, очень. Как весной.

Мы перешли дорогу и пошли по набережной Фонтанки, немного поодаль друг от друга. Справа высился отель с красивыми флагами, отчаянно и громко хлопаяющими с каждым порывом ветра.

— Надо посмотреть адрес отеля, в котором бронирован номер. Может быть, мы возле него?

Я сняла варежку, чтобы вновь достать телефон.

— Погоди, пожалуйста. Если это та самая гостиница, то ты попрощайся и уйдёшь?

— Некрасиво будет, да? А ты очень не хочешь, чтобы я уходила?

— Да, я не хочу. Ты не замёрзла?

— Нет. Пока нет.

— Тогда давай дойдём во-о-он до того храма. Обойдём его, и прямо ко мне. Тут совсем близко. Согласна?

И мы пошли, глядя на словно прозрачные серые купола петровского барокко, тихо мерцающие в снежной питерской дымке.

Через двадцать минут мы уже сидели на тёплой огромной светлой кухне. Среди белоснежной кухонной мебели, сверкающей кое-где тонкими золотыми ободками, висели жостовские старинные подносы — дымно-чёрные, шоколадные, с пышными розанами и бутонами. На подоконнике стоял огромный ярко-оранжевый с васильковыми проблесками букет из сухоцветов в старинном медном кувшине. Чувствовалась женская, щедрая рука. Хозяйка, несомненно, была умна и имела художественный вкус.

Глеб рассказывал о странностях котов в Италии, потом о потрясающей Болонье, потом о смешном соседе в самолёте. Я молча слушала, не вставляя ни единого слова. Со стороны могло показаться, что он разговаривал сам с собой.

— Тебе не кажется, что меня нет? Я к вечеру стала плохим собеседником.

— Ты замечательный собеседник! Ты же слушаешь меня, а это главное!.. Ну вот. А это всё бескрайние хоромы моей сестры, когда-то это был дом семьи её мужа. Они жили здесь в двух комнатах, а потом, в начале двухтысячных каким-то образом смогли выхватить всю коммуналку. Но жилые пока только кухня, одна ванная и те две каморки. Тут камин есть, если пойти дальше по коридору, чуть попозже покажу. Лепнину восстановили уже полностью в одной комнате, хотят перебрать весь паркет, спасти его по возможности. Окна тоже пойдут на реставрацию со всеми своими шпингалетами, задвижками и петлями. Наташа принципиальна в этих вопросах. Художник...

Сестра вышла замуж, родила четверых детей. Давно уж переехала из Москвы в Питер. Сначала в эту квартиру, а теперь живёт под Питером, в каком-то роскошном новом особняке. Я ещё не был у них, но судя по видео — круто.

Стогов варил гостям глинтвейн. Для меня же он заварил чай с лимоном, который я с удовольствием цедила из кружки с рельефным Амстердамом на боку.

— Сейчас мы приготовим свечи, найдём печенюшки, фрукты, финики и HD-провод. И всё. Можно будет передохнуть.

В переднике, с поварёшкой в руках он мирно суетился на кухне, уютно приговаривая, как настоящая хозяйка.

Мне было хорошо с ним. Спокойно. Он поглядывал на меня из-за плеча, иногда внимательно всматриваясь. Мы больше ничего не говорили друг другу. Мои волнения относительно расспросов о факультете улеглись: само собой пришло решение, что если он спросит, я честно отвечу, что не хочу своими рассказами вмешиваться в эту историю. Также я запретила себе думать о том, что будет дальше. Наслаждалась мгновением.

Глеб накрыл полотенцем кастрюлю с готовым глинтвейном, и мы пошли по длинному тёмному коридору смотреть на камин в одну из дальних комнат. Света в комнате не было, Стогов зажгёт одну из свечей и поднёс её к глянцевому боку камина. Камин был действительно уникальный. Обложенный дивной майоликой, он драгоценно переливался, попеременно вспыхивал разноцветными искрами, отражая блики лежащего за огромным высоким окном города и колышущееся пламя свечи.

— Здесь есть, конечно, сколы, трещины. Но единичные, ерунда. Керамика на самом деле удивительной сохранности. А вот здесь, — скрипя рассохшимся паркетом, он подошёл к окну, — посмотри, здесь виден Михайловский замок, а внизу Фонтанка. “Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней”. Ты знаешь? Над входом висит надпись медными буквами. Какая насмешка над пустотой слова, когда в его силу уже никто не верит! Очень красивое место. Одно из любимых. Ты гуляла там когда-нибудь?

— Нет. Я много бывала в Петербурге, но очень плохо его знаю. Наверное, потому что мало ходила. Не получалось почему-то.

— Твоё счастье впереди. Ну, пойдём.

Мы вернулись в комнату возле кухни, Глеб зажгёт свет.

— Ну вот. Осталось зажечь свечи и... До гостей у нас полчаса. Что мы будем делать? Беседовать? Спать? Танцевать? Слушать музыку? Или фрагментик из моих лекций на итальянском? Или на французском?.. А может быть, ты есть хочешь?.. Хотя мы вроде только что ели...

— Давай танцевать. Я обожаю вальс. В этой комнате можно станцевать камерный вальс.

— Ого! Тогда ты будешь мне считать: “раз, два, три..., раз, два, три...”

Стогов сел за стол, раскрыл ноутбук и, немного поразмыслив, что-то набрал. Полилась тихая, нежная музыка, чарующий вальс. Глеб, как на балу, выпрямившись и встав почти в третью позицию, склонился в поклоне, протянул правую руку:

— Позвольте пригласить вас.

Я скинула огромные меховые тапки, которые он меня заставил надеть, и вложила свою руку в его. Мы не смогли долго танцевать. Я чувствовала, как бьётся, трепещет его сердце. Чувствовала своё волнение...

— Настя, ещё десять секунд, и я потеряю голову, — проговорил он охрипшим голосом и, опустив голову, отошёл от меня. — Сорок три года, а веду себя, как мальчик. Прости...

Мы разошлись, я села в кресло.

— От танца правильно терять голову. Он для этого и существует.

— Странно, что никогда раньше не думал об этом. Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Двадцать лет разница, Господи... Моей дочери восемнадцать, почти твоя ровесница. Живёт в Кембридже. Я в разводе с её мамой. Дочка такая же, вы чем-то похожи с ней.

— Ты не хочешь вернуться в Россию? — Вопрос вырвался из меня совершенно неожиданно. Я услышала его извне, где-то рядом с собой, когда мои губы произносили последнее слово. То ли кахетинское вино, то ли усталость, то ли наступившая расслабленность в глубоком мягком кресле — не знаю, что конкретно размягло мой мозг до такой бестактности. Мне стало неловко, вспыхнули щёки. — Прости! Я...

Глеб знаком прервал меня.

— Я вернусь в Россию, когда точно буду знать, что кому-то здесь нужен.

— Ты нужен. Разве очередь была маленькая за автографом?

— О да, конечно! Я им нужен. Каждый день! Со всеми потрохами. — Стогов засмеялся, потёр лоб. Неожиданно протренировал звонок. — Кто это среди ночи, а, Настасья? — Глеб, продолжая хохотать, пошёл открывать.

В квартиру ввалились оживлённой толпой гости. Крича, веселясь, балагуря, целуясь и обнимаясь с Глебом, они шумно раздевались. Было смешно наблюдать, как, входя в комнату, каждый из них с удивлением встречался со мной взглядом.

— Это Настя, из Москвы. Знакомьтесь!

Стогов почему-то ограничился этим скромным представлением. Ко мне подошли его друзья и коллеги, приветливо знакомились, и было видно, с какой жадностью и любопытством они ждали продолжения реплик: кто же это такая?..

В числе последних в комнату вошла высокая брюнетка, невероятно красивая и яркая девушка лет тридцати. Гладкие шёлковые волосы струились по плечам, глубокие светло-зелёные глаза, благородный нос, точеная фигура. Внешность портил только слишком острый подбородок, некрасиво торчащий вперёд. Увидев меня, она застыла на долю секунды, а потом, всплеснув руками, воскликнула:

— Какая дивная птичка у тебя есть, Глебушка! Она певчая, надеюсь?

Она стремительно подлетела ко мне и обняла.

— Я — Софья. Левая рука, правое крыло и маленький бесовский хвостик вот этого проказника. — Она игриво, с истерично-насмешливым тоном указала на Стогова, с интересом обернувшегося на её сентенцию.

— Нет, дорогая, хвостик у меня не бесовский, а просто поросчатый, — парировал он.

— Не обращайтесь внимание на этого флорентийского блаженного. Он не поросёнок. Ангел во плоти. Матерится вот только, никак не отучу. Но всё равно ангел... Мне, вечному твоему альтер-эго, как не знать?! Да, Глебушка? — подчёркнуто-усталым, свойским голосом промурлыкала она. — А вас как зовут? Вы из Питера?

— Нет, я из Москвы. Факультет искусств, МГУ. Зовут меня Настя.

— Студентка? Класс! Вы, наверное, на презентации даже были?

— Да. Была.

— Настя выступила так, что зал ей аплодировал стоя.

— Да нет, Глеб Дмитриевич преувеличивает. Мне аплодировали сидя. Обычная речь.

— Глебунчик, как действительно прошёл вечер? Правда, были одни старички? — Соня отвела от меня взгляд с выражением скуки и повысила голос, слегка повернув голову в сторону кухни, куда Стогов ушёл разливать глинтвейн.

— Ну, в общем да. Всё так, как я и предполагал. Интеллигентное высокоблагородное собрание. Своеобразная, но очень отзывчивая и благодарная публика... Молодёжи нема. Хотя вот Настя верит в лучшее, говорит, что всё же за мной будущее. — Стогов вошёл, неся на подносе дымящиеся бокалы с густым тёмно-красным варевом.

— Круть! Настя, будьте осторожны. Этот глинтвейн — настоящее зелье. Очень пьянит. Глеб держит в секрете ингредиенты, и не зря. Там явно что-то запрещённое.

— Уймись, Соник. Хватит уже. Друзья, показ не ждёт. Рассаживайтесь. Посмотрим, потом поговорим. Мне это очень важно! Прошу вас!

Глеб присел за стол, подключая ноутбук к телевизионному экрану. Я тихонько вышла в коридор, вспомнив, что не отзвонилась Суаридзе. В одну из комнат в коридоре была приоткрыта дверь.

Персиковый светящийся прямоугольник окна манил к себе своим волшебным зимним свечением. На полу, в белёсых полосах света стояли коробки и рулоны, похожие на свёрнутый ватман. На пыльном подоконнике чернел силуэт огромного подсвечника с оплавившимися огрызками свеч. Из приоткрытой форточки несло свежим зимним воздухом. Прижавшись коленями к звеньям горячей батареи, я пила этот вкусный снежный сквозняк, глядясь в закоулки двора и разноцветные окна напротив.

Вот моя жизнь. Эти намёки, следы, отсветы прошлого, ветра, дожди, метели, мятущиеся, мигающие огни города в отражениях стёкол проносащихся машин. Они подлинны! Как тошнит от этих масок, вальжжных тугоумных дискуссий и баек под аккомпанемент изысканной музыки. Вечно они, как в том фильме, “обнюхивают свои интеллектуальные задницы”... Хотя... может быть, я не права, и всё прекрасно: и люди, и музыка, и дом, и альтер-эго Стогова...

Суаридзе я набрала сообщение в WhatsApp, но он тотчас перезвонил. Откуда-то издалека, словно из-за закрытой двери раздалось его откашливание и деловое: “Алё! Настя!”

— Ираклий Владимирович, простите, что поздно отписалась!

— Ничего, Настюша! У тебя всё хорошо?

— Я выступила. Всё в порядке. Огромное количество приветов и пожеланий выздоровления вам.

— О-о, спасибо! Мне звонил Стогов. Благодарил. Спрашивал про тебя. Дикая интерес ты вызвала.

— Ерунда всё это. Как вы себя чувствуете?

— Ох, птичка моя!.. Всё капельницы ставят. Вот опять лежу, смотрю на всё это с тоской и унынием. Пригвоздили меня!

— Поправляйтесь, Ираклий Владимирович!

Не хотелось возвращаться обратно. Тишина и покой зимней ночи манили к себе, в себя... Но надо было идти.

Перед входом в комнату, где горел остановленными титрами экран и потрескивали в сумерках свечи, стоял ко мне спиной Глеб. Рядом, в обнимку с ним, — Соня. Случайно услышала обрывок разговора:

— ...Я поняла. Короче, новый полевой цветок в твой гербарий. Ну, где она, драгоценность твоя?

— Сейчас придёт.

— Я тут, извините. Срочный звонок.

— Всё в порядке, Настя. Садись вон туда.

Глеб усадил меня в кресло с высокой английской спинкой, заботливо укрыл пледом и поставил передо мной на блюде ароматный глинтвейн.

Тихим, вкрадчивым голосом Стогов начал рассказывать о фильме, первом своём опыте документалиста.

— Об этом никто не снимал раньше. Я специально интересовался. Никто! А нынче, — вот что значит: идея витает в воздухе. Все обратили разом внимание. Я в числе первых. Чем немного горжусь, конечно...

Глаза закрывались. Обжигающий нёбо напиток с каким-то горьким, терпким вересковым послевкусием тёк по горлу, сладостно согревая. Глаза закрывались, и мне стало казаться, что я иду среди болот, по сухой топи, среди тощих осин и берёз, по мягкому мху по колёно, обхожу брусничник. Рядом мой ненаглядный дед в плащ-палатке, на сгибе руки — корзинка с обмотанной белым проводком ручкой. Он обмахивает меня багульником, огромным сиреневым букетом “от мошки”. Я говорю ему: “Дедушка, у нас с тобой сейчас голова заболит, багульник же такой коварный, брось его!” А он мне, мол, нет, терпи, голова она что — поболит и перестанет, о душе надо печься, мы же по топи идём!..

Да, мне снилось, что меня раздевают. Но то были руки папы, красивые и ласковые. А я была маленькая, совсем крошка. Я видела свою маечку с нарисованным цветным мороженым, свой толстенный детский живот со

складочками. Папа мягко брал меня на руки и нёс в кроватку, и я, прижав голову к его груди, нюхала его, папин запах, слушала ровный стук сердца и качалась в такт мерным, ровным шагам, зажмурившись, чтоб не видеть длинный и тёмный коридор нашей квартиры...

Потом мне снились какие-то дюны, сухие травы и бесконечный пыльный и мёрзлый ветер.

От слабого стука балконной двери и охватившего лицо сквозняка я проснулась и увидела за окном курящего Глеба в белом махровом халате...

Глава третья

Теперь я лежала в отеле и вспоминала весь вчерашний день. Звонить Стогову я не собиралась. Надо было ехать на встречу с бабушкиной подружкой, тётей Ирой, передавать ей какую-то книжицу ко дню рождения и горячие поцелуи от бабули. Ещё надо было зайти в книжный рядом с домом тёти Иры. Потом я планировала побыть одна. Хотелось выхватить особый момент, чтобы подумать.

Органически думать, то есть спонтанно садиться и размышлять, как Штирлиц и другие нормальные люди, я не умела. Все самые прекрасные и потрясающие мысли ко мне приходили в самый неподходящий момент или в момент сосредоточения на каком-то из любимых дел. Или когда я была максимально расслаблена в восторге перед чем-то очень красивым. Только так.

Размышляла о том, куда идти гулять вечером, и перед глазами сразу представала лососевая громадина последнего пристанища Павла. Я много раз с родителями, бабушкой или одна бывала в Русском музее, расположенном поблизости. Но до Инженерного замка никогда не доходила... Теперь же он манил меня к себе, звал, навязчиво всплывая своим вчерашним образом перед мысленным взором.

Завибрировал телефон.

— Да, Мила, добрый день! Рада вас слышать!

— Настенька, всё у тебя хорошо? Всё устраивает?

— Да, спасибо огромное. Гостиница замечательная. По-моему, совсем новая.

— Да-да, так и есть! Просто прекрасно!..

Мила на секунду замолчала.

— Настенька... я хотела через тебя передать Суаридзе, что, скорей всего, Глеб Дмитриевич не примет их предложение о сотрудничестве до тех пор, пока не зацепится здесь, в России. Он не ответит отказом, потому что, видимо, надеется... Но пока это пустые разговоры, они зря тратят свои силы. Им что-то показалось, они развернули бурную деятельность, но на самом деле... Я, конечно, всё сама скажу Ираклию, но, если вдруг...

— Да, Мила, мне тоже показалось, что их усилия бесполезны. Пока, по крайней мере. Я спросила его об этом напрямую. Случайно получилось, но тем не менее. Он мне ответил именно так, как вы сказали.

— Вы знаете, как у мужчин, Настенька? Если они жалуются, что очень одиноки, то бегите скорее, и подальше. Это ловушка, блеф, откровенная ложь. Если же они, будучи холостяками, ни при каких обстоятельствах не признаются в том, что одиноки, значит, действительно нет рядом близкого, любящего человека. Наш Глеб Дмитриевич — второй вариант. Он говорит, что больше никогда не женится. Представляете? Мне, старухе, это просто смешно!.. Каждый человек нуждается в любви. Тихой, спокойной, надёжной. У него много женщин, Настенька, было и, думаю, есть. Вьются вокруг. Они слетаются к нему, как бабочки на цветок за нектаром. Но всё это не то. Вот в чём беда, Настенька. Мда... Вы меня простите, если вам это совсем не интересно. Просто я давно знаю их семью. Я крестила Наташу, его сестрёнку. Она мне теперь, как дочка... Не о том говорю... В общем, конечно, у меня душа болит. Он снова и снова летит в Россию, он обижает свою родину, но вот пока никак не вернётся... А мне кажется, здесь он нужнее. Простите, Настенька, если нагружаю вас нашими переживаниями.

— Не извиняйтесь, Мила. Я поняла.

— Я знала, что вы поймёте мою боль. Вы тонкая девочка... Всё, собственно. Вот это я и хотела вам сказать. Просто пусть останется у вас в памяти наш разговор. Вдруг когда-нибудь... Всё! Не отвлекаю! Настенька, всех благ! Прощаюсь!

— До свидания, Мила. Спасибо вам за вчерашний дивный вечер!

Мила заторопилась и повесила трубку. Пора было вставать и собираться. Уходя в ванную, взяла с собой телефон. Не хотела признаваться себе, но всё же ждала звонка от Стогова. Однако он не звонил. “И что я вообще об этом думаю?! Все как помешались вокруг, и я вместе с ними. Настя! Не ведись! Живи своей жизнью”, — как мантру, повторяла я себе каждый раз, когда снова и снова в мозгу всплывала мысль о Глебе.

Деловой день пролетел стремительно. Тётя Ира была нездорова, поэтому я пробыла у неё совсем немного. В книжном не оказалось книги, которую нужно было полистать. Консультант предложил адрес издательства где-то на окраине, заверяя, что там точно всё есть. Но ехать в час пик через весь Петербург не хотелось.

Вечер был свободен. Походив ещё немного по необъятному раю книголюбов, насладившись разнообразием и диковатостью издаваемого нынче, побрела к выходу. В воздухе витал весенний аромат и было значительно теплее, чем вчера. Даже в распахнутом пуховике было жарко. В голове настёрно, без моей воли выстраивался маршрут: от Дома книги на Невском, где я находилась сейчас, пойти на набережную Мойки, дойти до квартиры Пушкина, потом выйти на Конюшенную через дворы, зайти в Конюшенную церковь, оттуда подойти к Спасу-на-Крови и идти к Инженерному замку. Можно по Мойке, можно через Михайловский сад... А дальше... Взглянуть в те окна, на тот дом... Быть может, даже увидеть отсвет-мерцание камина в одном из них. Проститься, покрыть лёгкой вуалью это воспоминание. Похоронить его в себе, отпустить...

Почему-то было нестерпимо грустно. Может, ну его?! Сесть сегодня на ночной. Завтра спозаранок на электричке дуть куда-то к подруге — зачем на самом-то деле?!.. Нет настроения. Ладно, сейчас пройдуся. Если что — в номер за вещами заскочу и на вокзал.

Я уже знала — когда в голове и на сердце творится что-то непонятное и размазанное, надо принять любое позитивное решение на время: “Пока я буду делать так...” Глупое, скоропалительное, ошибочное, незначительное, — главное, позитивное, и, главное, решение. После этого сознание успокаивалось и начинало работать целно и поступательно. Баги устранялись. Можно жить дальше и отменять необдуманные решения.

Жёлтые окна домов, фары машин, затейливая, милая иллюминация, прохожие с плоскими белыми лицами — всё это городское месиво, казалось, слагалось в один мощный пучок энергии, прожектор, который безразлично светил сквозь меня. Первые одна в Питере. Никто не ждёт, не к кому торопиться. Никому не нужна здесь. Странное ощущение. Наверное, именно это надо почувствовать, чтобы окончательно стать взрослым?..

Наобум зашла в кофейню. Заказала капучино. Парень в бейсболке и коричневом фартуке привычно затараторил:

— У нас свежая выпечка, девушка. Только что испекли. Выбирайте.

— Нет, спасибо.

— Возьмите пирожные. Берлинское у нас особенное. Со всего города приезжают. Тортик “Павлова” есть.

— Спасибо. Не хочется.

— Там сливки, клубника. Не мороженная, кстати. Настоящая.

— Не-а.

Кассир поднял на меня глаза и неожиданно произнёс:

— А у вас глаза грустные. У нас можно порисовать. Там карандаши, мелки, распечатки, альбомы. Смотрите, во-он там. Арт-медитация. Это бесплатно.

— Ничего себе. Это что, помогает от грустных глаз?

— Ну да, помогает. Берёте, раскрашиваете. Можно на желание, можно на настроение. На что хотите, короче. Ну, и там настрой... Знаете? Прокачаться так нехило можно.

— Как здорово и легко вы тут живёте! — от неожиданного предложения парня у меня даже немного улучшилось настроение.

Расплатившись, ради интереса наугад взяла один листок-распечатку и стакан с цветными карандашами. С листка на меня глядел Кришна со словенным хоботом и в цветке лотоса. Внизу было написано: “Обрети свою внутреннюю гармонию”. Ещё ниже шла инструкция: что думать, как раскрашивать, куда девать готовый рисунок.

Не зацепило. Не понравился хобот. Перевернула листок белой стороной. Сверху написала: “Обрети!” — и поставила знак восклицания. Нарисовала домик, качельки, рядом деревья, пионы...

Промурчал телефон. Сообщение по WhatsApp’у. Высветилось: “Глеб Стогов”. Сердце замерло, а потом сделало кувырок: “У-и-и-и!”

В голове моментально пронеслось: “Э, Настя, да ты влюбилась!”

Прочитала: “Ты где?” Ответила: “На Мойке”. — “Что ты там делаешь?” — “Рисую”. — “Пленэр?!?!?” — “Нет. Домик на Кришне”. — “?”

Выслала ему фотографии Кришны и своего домика. Подписала: “В кафе. На обороте”.

“Еду на такси по КАДу. Можно, наберу?” — “Да”.

Тут же зазвонил телефон.

— Вообще, конечно, Анастасия... Ну, вы и дрыхнуть. Я до сих пор в шоке.

— Ну, хватит уже. Вы сначала сон-траву кладёте в своё зелье, поите им...

— Грешен, не удержался... Как вы ловко все мои секретки раскрыли!

— Фильм так и не увидела. Придётся ещё раз показывать мне.

— Хорошо, о’кей! Ну, а сейчас чего ты дурию маешься? Сидишь на Мойке...

— Медитирую. Посоветовали тут.

— Вообще-то у тебя со статусом “обрети” приоритетом должна стоять диссертация, а у тебя что на уме?! Домики, цветочки, как я погляжу...

— Я не виновата. Это моё испорченное подсознание. Засорили в детстве просеменными установками.

— Даже ничего не говори мне. Сейчас Суаридзе маякну, чем его аспирантка занимается.

— Мяукну.

Мы оба засмеялись. Парень в фартуке, услышав смех, удовлетворённо, с торжеством посмотрел в мою сторону, как бы говоря: “Вот что Кришна животворящий делает!”

Вскоре мы встретились напротив Михайловского замка. Всё было для нас, даже часы работы по четвергам — до 21.00.

— А ты знаешь, что если взяться за руки и пройти под этой надписью, — Глеб указал на надвратный девиз, — и произнести вслух её с верой, что сбудется — то сбудется.

— А как конкретно должно сбыться?

— Ну, долгие дни будут... Счастливая и долгая жизнь у тех, кто взялся за руки. Я так думаю... Давай руку. Хуже не будет. На всякий случай, авансом.

Думала ли я, могла ли предположить ещё вчера утром, что, перекрестившись, схватившись за руки со Стоговым, благоговейно буду входить в Михайловский замок, громко и с верой молясь молитвой замка о долгих днях, священных стенах дома и святыне Господней в нём...

— Вера, Настька, вера. Главное — вера. Она творит чудеса.

Несмотря на шутки, Глеб в этот миг был серьёзен. Он провёл меня мимо Петра через ров в узкую арку входа. Словно продев нас в узкое игольное ушко невероятности встречи и союза.

— А теперь надо поцеловаться.

Стогов не дал мне опомниться. Притянул к себе.

— Стой смирно. Дай губы.

Он целомудренно поцеловал, едва коснувшись, как юный жених свою невесту перед аналоем.

— Если к нам ночью сегодня явится разгневанный Павел, то мы сделали что-то неправильно. Если не явится — значит, мои расчёты верны.

— Мы будем спать в разных частях города. Интересно, если он захочет подать гневный знак, то сначала явится к тебе, а потом ко мне?

— Гм... Эту ночь мы должны провести вместе. Что же ему, действительно, гонять туда-сюда?

— Нет, знаешь! На самом деле я думаю так: затея твоя, ты и отдувайся, если что. Ко мне он не явится. Я ни при чём.

Тётенька-билетёрша, случайно оказавшаяся свидетельницей спора, очень смешно и долго переводила строгий взгляд поверх очков — с него на меня и обратно, а потом веско заметила:

— Вообще-то, молодые люди, это трагическое место. Здесь убили самодержца российского, а вы развели тут *Comedy Club*.

— Простите. Но мы про другого Павла, не про этого, — махнул рукой Глеб.

Мы прошлись по залам замка, заглянули на выставку от Русского музея. Пустынные, омузеенные залы и комнаты были немы и обезличены. А ведь как много могли рассказать эти стены! Меня не покидала профессиональная мысль: что можно сделать с таким домом, дворцом, замком, чтобы он заговорил с нами? Запах самыми нужными ароматами, заскрипел, заворчал, зазвенел дверцами шкафов, навощённым паркетом, хрустальными гирляндами в люстре, фарфором чашечки от касания серебряной ложечкой, детским хохотом и визгом? Чтобы проснулись в нём голоса и шорохи, шаги и шёпот, вздохи, метания, признания, ссоры и замирения. Если обойтись без спиритизма и говорящих пошлых экранов, на корню уничтожающих историческую эстетику ретроградности и древности, — то как это сделать? С помощью чего?

Я поделилась своими мыслями со Стоговым. Он молча кивнул. Выходя из замка, обернувшись ко мне, сказал:

— Давно заметил: что здесь, что в Павловске, от уборщицы до администрации, поголовно весь штат предан Павлу. Фантастика просто! Как рьяно, страстно они отстаивают его право на звание великого и мученика, о! Особенно отличаются научные сотрудники. Пряма секта какая-то.

— Я бы не шутила на этот счёт. История ведь наша перелопачена донельзя. Исковеркана, изгрызена, изгажена. Сначала одними, потом другими, потом третьими. Вообще стыдоба!.. Вероятно, они знают что-то такое, чего не знаем мы. Может быть, когда закрываются двери музея, дворец и замок оживают и рассказывают им свои секреты.

— Кстати. Вот ты отмечаешь спиритизм, а зря. Вот если бы созвать знаменитых призраков и уговорить их снова разместиться в своих покоях без кокетливого прятанья, хотя бы ночью! Тогда бы мы создали настоящий музей! Ух!

Стогов, казалось, парил над землёй. Это был совсем другой человек, не тот, которого я встретила вчера в половине шестого в театре. Лёгкость взгляда, блеск в глазах, я бы даже сказала — сияние, молодая улыбка, звонкий голос... Было отраднo видеть его таким... Даже одежда перестала сидеть идеально, как на манекене, — слегка помялась, покрылась паутинкой складок, перестала пахнуть дорогим и оттого отталкивающим парфюмом.

Мы шли куда глаза глядят. По крайней мере, мне так казалось. Попеременно в голове вспыхивала красным тревожным огоньком мысль: “Что дальше? Настя, спроси его об этом”. Мысль была унылая и гложащая. Какое-то время я увиливала от неё, и вот наконец она меня настигла, накрыла своим циничным прагматизмом, жестокой бытовой необходимостью.

— Может быть, зайдём? — Глеб неожиданно притормозил возле надписи “Ресторан”, дотронувшись ладонью до кончика моего носа. — Холодный. Замёрзла. Посидим?

— Давай!

Мы прошли через полутёмный пустой зал, сели в углу, рядом с огромным аквариумом. Стогов взял меню из рук официанта.

— Зажгите нам свечи, пожалуйста. Та-а-ак... Европейская кухня, японская... Угу. Как, быка съедим?

— Кугочку.

— Понял.

Странное беспокойство одолевало не только меня. Беззаботность и словно пьяное веселье Стогова сменились сосредоточенностью и строгостью в его глазах. Мы очень мало общались, но из-за ясного ощущения, что я знаю его вечность, я хорошо считывала все его интонации, жесты, выражения и полутона.

Еду принесли довольно быстро. Зажгли две белых свечи. После некоторого молчания, поиграв желваками, Глеб налил мне и себе вина.

— Всё становится не так радушно — так тебе кажется, Настя?

— Ну, в общем...

— Ты, наверное, думаешь — успеешь на свои семинары или нет. От такой проблемы у кого хочешь настроение испортится!..

Глаза Стогова смеялись.

— Твоей эмпатии нет предела. Ты читаешь меня, как раскрытую книгу!

— Ну хорошо... Что именно тебя беспокоит? По пальцам перечисли мне.

Смеющиеся секунду назад глаза Глеба строго и даже жёстко смотрели на меня.

— Мне всего двадцать три. Вдруг это совпадение? Хотя совпадений не бывает... Мне нужно понять, как дальше будет выстраиваться моя жизнь. Мне завтра ночью надо уезжать. И тебе... улетать. Если бы не обстоятельства... В общем, хотя бы умозрительно, в ближайшие дни, месяцы... Я хочу просто понять... Я хочу понять, что сейчас происходит между нами. Кто ты для меня? Кто я для тебя? Это флирт? Роман? Игра? Просто мимолётная встреча? Если это что-то такое... серьёзное, то я хочу, чтобы был знак. Свыше. Я хочу увериться. Или я хочу понять, что слишком романтично настроена. Но это в силу возраста и очень изысканного старомодного воспитания. Если так, то прошу прощения. Было приятно познакомиться. Вот.

Я выдохнула и устала на шёлковую скатерть. Высказать ему то сокровенное, что сама только что осмыслила и, возможно, вовсе не должна была произносить, — было почти подвигом в этот момент для меня.

— Птичка моя. Девочка...

Стогов, совсем как моя бабуля, подёр подбородок ладонью и нежно смотрел на меня, о чём-то одновременно усиленно думая.

— Суаридзе тоже меня птичкой называет...

— А ты похожа... В вечном полёте. Открытая счастливому восторгу птичка. Как маленький стрижек.

Мы молчали. Было видно, что он борется с собой, спорит, что-то проговаривает внутри себя. Он долго не решался заговорить. Прошло ощутимое количество времени, пока он, наконец, опустив глаза и откашлявшись, не произнёс:

— Кто я для тебя — ты уж ответь сама себе. И что тебе делать — тоже. Хотя иногда, клянусь, хочется тебя засунуть в карман и вообще ни о чём не спрашивать. Инстинкт. Надо подавлять в себе. Ладно! А если серьёзно... Ты говоришь “знак”... Недавно, с месяц где-то, я оказался в одной усадьбе в Тоскане, по делам. Спустился к Арно. Там было красивое место, вёглы наклонялись к самой воде, чиркали листьями по глади, когда ветерок пробежал. Так: “Ш-ш-ш...” Я подошёл, закурил и стал смотреть на водную рябь. И вдруг в зеленоватой воде, среди солнечных бликов, поверх воды я увидел лицо. Твоё лицо. Очень отчётливо. Помню, я даже на сигарету посмотрел — что я, собственно, курю?.. Вот это был мой знак. — Глеб сделал глоток вина из бокала и продолжал: — Я всё время помнил об этом. В ночь, когда ты мирно и сладко отсыпалась без задних ног, я не мог спать. Я всё время смотрел на тебя. За окном спальни висит уличный фонарь. Я сдвинул занавеску, чтобы свет падал на тебя, и смотрел, как ты спишь. Я спал, занимался любовью со многими женщинами в своей жизни. Но я никогда не испытывал желания сидеть рядом с ними, не касаясь их, и просто смотреть. Любоваться. Насыщаться созерцанием. Я получал высшее наслаждение от одного твоего спящего, покойного вида. Сердце останавливалось от восхищения, от того, что я тебя нашёл. Я умираю от счастья, глядя на тебя.

Я молчала. Мне было страшно, что после этой речи он произнесёт роковое “но”, и всё закончится.

— В общем, так прошла моя первая ночь с тобой. Я просто смотрел. Узнавал тебя. Уже тогда я понял, что это то самое, чего я отказывался все эти годы ждать, но всё равно ждал. Я понял, что передо мной моя женщина. Моя Беатриче. Но только счастливая, полнокровная, будущая жена и мать моих детей. Хотя клянусь тебе, ни о каком будущем я думать не мог... И сейчас не могу. Это так пошло, так прагматично, так несвоевременно сейчас. Все эти контракты, обязательства... Я говорю: “Господи, дай мне насладиться этим открытием без суеты. Дай мне пока просто помечтать, Господи!” Я всё время думаю, что это не со мной. Я знал, твёрдо знал, что развратник в своём разврате теряет своё сердце, теряет способность полюбить. Воздержание, похоть, однажды вкравшись в душу, постепенно и хладнокровно убивают в человеке способность любви. Именно поэтому столь внимательно древние относились к целомудрию и святости брачного ложа, к девственной чистоте жениха и невесты. Со мной же произошло чудо. Закон возмездия за блудный грех не возымел действия. По какому-то особому благоволению, заступничеству... не знаю, почему.

Стогов коснулся рукой моего кольца.

— Хрусталь?

— Нет, светлый раухтопаз. Вообще-то он серый, но у меня на руке почему-то становится белым. Меняет цвет.

— Удивительно!.. Это чистота... Может быть, твоя чистота и есть причина милости, свершившейся надо мной?.. Так вот. Вчера утром я проводил тебя, повалялся ещё с часок и поехал к Наташе, сестрице. Она меня очень ждала. Родила четвёртого, они не приезжали ко мне, а я был в замате, Россия слишком далеко и не всегда подпускает к себе таких, как я, меркантильных перебежчиков. Мистика тут тоже есть особенная... У меня был обвал каких-то проектов, выездных лекций. Очень устал, мотаясь между Францией, Флоренцией и Болоньей. Потом книга, параллельно фильм... Везде хотел успеть. Что-то доказать всем. На пределе возможностей... У Наташки с эмоциональным интеллектом всё в порядке. Вчера она моментально просекла моё состояние, представляешь?! Я ничего ей не говорил. Мы просто сидели, болтали. Она зевала, чесалась, кормила ребёнка, тапку на ногу чачала. Потом так застыла, и вдруг говорит: “Ты влюбился. И сам в шоке. Рассказывай”. — Он засмеялся, изображая удивление и радость сестры. — Короче. Если что, это её идея... Что у тебя завтра?

— Вообще-то я обещала подруге, что приеду к ней. Она живёт за городом, два часа на электричке. Тысячу лет не виделись.

— Угу... А я хотел предложить метнуться в Вырицу. Меньше ехать, всего час, с Витебского. Раненько выехать, затемно... Знаешь, есть такой старинный посёлок под Питером. Сосны, дачки, интеллигенция... Сейчас всё это, конечно, повывуло, особняки понастроили.

— Я слышала. И даже была когда-то, с краешку. Там Серафим Вырицкий жил. Давно, ещё в детстве я ездила со своей бабулей, тётя Ира с нами, у которой я сегодня была. Она что-то писала про него... Это особая культура, очень глубокая. Особенности люди. Знаешь, такие... богатые духом. От поездки мало что помню. Сосны там корабельные! Жара стояла, не продохнуть. Песок, зелёные и жёлтые калиточки, штакетничек...

— Сейчас там сугробы лежат. Там есть ещё одна святая. Наталия Вырицкая. Знаешь?

— Нет. Тётя Ира наверняка знает. Она даже там экскурсии водила. И бабуля знает, она несколько раз бывала там.

— Я так понимаю, эта святая не прославлена пока, но её почитают как блаженную. В своё время она очень помогла моей Наташке. Зримо. Это касалось всей нашей семьи, в общем-то... Уже потом, на фоне этой явной помощи, сестра крестилась. Она удивительная была, эта Наталия Вырицкая. Из бывших, образованная, мудрая. Что-то случилось, и она приняла подвиг юродства. Умерла в середине семидесятых, уже старенькой. Я не очень знаю, хотя как-то ездил с Наташей за компанию, года три назад. Давай съездим?

Там красиво сейчас. Только идти от станции минут сорок. Ну, в принципе, можно и на такси...

— Сорок минут, и даже час — это ерунда! Такси не нужно. Но что мы там будем делать? Это на кладбище нам надо?

— Нет, её мощи перенесли к храму. Что делать? Идти в паломничество с открытым сердцем. В храм зайдём. Там деревянный храм. Побудем в тишине. Я знаю, как сестра доверяет этой святой. Я знаю, что она получает от неё утешение, помощь, старица подаёт ей знаки, подсказывает, когда надо что-то решить. Мне нужно благословение. Точка опоры для моих простых решений. Тебе нужен знак. Немного разный подход, но смысл один, по-моему... Я уверен, что мы получим просимое. Не представляю — как, но получим.

Странно было всё это слышать. С раннего детства меня сопровождала Вырица. Там раньше жил бабушкин родной брат, там экскурсии проводила тётя Ира, почти наша родственница, туда вместе с ней в паломничество к Серафиму Вырицкому ездила моя бабушка. Далёкое от Москвы, затерянное в сосновом бору на берегу реки Оредеж купеческое дачное место. Что было в нём такого? Почему опять Вырица из далёкого детства снова всплыла в моей судьбе?

— Надо почитать об этой юривой.

— Наташа говорит, что о ней мало известно. Всё, что нам нужно знать, — она расскажет о себе сама.

— Ты веришь, что так и будет?

— Верю, да. Поедем?

— Да.

Глава четвёртая

В утренних сумерках огромными хлопьями шёл мокрый снег, создавая звуковой вакуум в воздухе. Как во сне, лениво, замедленно ехали машины, выбрасывая из-под колёс грязно-снежные фонтанчики, сомнамбулически проходили мимо люди.

Мы встретились на вокзале, под главным табло.

— Не приходил? — спросила я, приняв тёплый поцелуй в щёку.

Глеб на секунду завис, а потом захохотал:

— А-а, это ты про Павла Петровича? Не-е-е, всё норм!

В электричке было жарко. Одиночные наши попутчики, рассевшись по одному, как воробушки ощеривались пёрышками, уютно задрёмывали. Глеб читал что-то на английском в своём смартфоне, я, положив ему голову на плечо, слушала в наушниках второй концерт Рахманинова, ловя настроение.

Через час с небольшим мы приехали. Вышли на только что очищенную от снега платформу под огромную стену заснеженных елей и прозрачное свечение жёлтых фонарей. Рассвело. Снег перестал идти, но небо по-прежнему хмурилось серыми облаками. Станция была тиха невероятно, мгновенно наполнившись лёгким воздухом напоён свежестью и неповторимым запахом февральского предчувствия весны.

— Нам туда.

Глеб указал на дорогу с грязноватыми сугробиками-обочинами, идущую от станции вглубь посёлка.

Шли долго. Оглядываясь по сторонам, я не могла избавиться от мысли, что иду внутри акварельного пейзажа в серо-коричневых тонах: набухшая — вот-вот потечёт! — серая умбра и тауп влажно пропитывали здания, заборы, небо, снег с песком... Дачные дома и домики, словно призраки, стояли притаившись, немым равнодушным взглядом чёрных окон с проблесками неба сопровождая наш ход. Сосны потемнели от зимней стыллой влаги и высились медно-чёрными столбами, торчащими стайками тут и там.

За магазином свернули влево. Кое-где лаяли наиболее общительные собаки, из труб некоторых домов вился дымок.

— Мало снега, надо же. Думал, сугробы лежат...

Я думала о том, что не чувствую никакой радости и что ожидания мои напрасны. На душе скребли кошки. В голове то и дело всплывала мысль, что поездка эта — блажь и что сегодня ночью я трагически уеду в Москву, и два этих невероятно счастливых дня канут в Лету, превратятся в странный сон о любви и моём человеке...

Молча подошли к храмовой территории. Среди бурных огромных сосен, за аккуратной деревянной оградой стояла дивная церковь с решётчатыми оконцами на крыльцах и маленькая избушечка-часовня. В храме шла Литургия.

Скрипя снегом, мы обошли вокруг церкви и часовни и увидели несколько могил. Одна из них принадлежала Евстигнеевой Наталии Михайловне — блаженной старице Наталии Вырицкой.

Мы приложились к кресту, поклонились до земли и встали перед ним рядом, касаясь друг друга рукавами.

То странное чувство, что накрыло меня через минуту, я не забуду никогда. Напряжённое ожидание, сомнения, тоска, тягостная неизвестность, лёгкое раздражение от смурного дня сменилось спокойствием и умиротворением. Душа, сжатая тисками неведения и беспокойства, расслабилась и начала пить жадными глотками благодать, проливающуюся на меня из неведомого источника.

Я молилась без слов. В благодатном озарении я ясно чувствовала, как открывается моё сердце и как Кто-то читает его.

Столько формулировок накопилось в моей голове за прошедшую ночь и утро. Столько раз я вновь и вновь обдумывала, как и что попросить. Но оказавшись в Вырице, перед местом упокоения неведомой мне святой, я вдруг почувствовала, что слова как таковые не нужны. Я не просила любви, замужества, решения проблем и ответов на вопросы, здоровья близким, какого-то знака, указания свыше... Сложно передать то, что не передаётся словами... Душа говорила на своём языке, без слов: “Вот я стою здесь — нагая, как есть, со всеми своими победами и поражениями; Ты видишь моё сердце, знаешь, что мне нужно, лучше, чем я знаю. Научи меня верить, научи благодарить, дай мудрость и смирение. И дай мне то, что необходимо. Я приму всё от Тебя с благодарностью. Наташа, блаженная Наталия, помоги! Донеси мою молитву Ему, попроси за меня... за нас...”

Мы стояли так минут десять. А может, и больше...

— Пойдём? Сейчас можно в храм зайти, с краю постоять. А потом, сестра попросила, надо в свечную лавку зайти, записки написать. Ты как?

— Хорошо... Да, пойдём.

Я не спрашивала Глеба об ощущениях. Я видела, что глаза его наполнены радостью.

Мы зашли в почти пустой храм. Лишь несколько стариков и женщин ровными, замедленными движениями крестились в такт возгласу из алтаря. Служба завершалась. Женщина и юная девушка безразлично взглянули на нас с клироса, перекладывая ноты. Батюшка вышел на аналой. “Сегодня мы празднуем день памяти блаженной Ксении Петербургской. Особой заступницы и молитвенницы нашей. Во всех храмах нашей епархии сегодня служатся праздничные молебны...” После краткой проповеди мы приложились ко кресту и вышли на улицу. На панихиду не остались. Написали записки о своих. Посидели на лавочке, взявшись за руки. Говорить ни о чём не хотелось. Большим наслаждением было думать об одном и том же, не говоря об этом ни слова.

— Электричка через полтора часа. Мы шли сорок пять минут. Так что можно двигаться потихоньку обратно. Возле станции можно ещё пройтись.

Глеб светло улыбнулся мне, и мы, перекрестившись и поклонившись святым Вырицы, отправились в обратный путь. Пройдя небольшое расстояние, услышали, что кто-то нас окликает.

— Ребята, подождите!..

Нас догоняла немолодая женщина с рюкзаком за спиной и в сбившемся белом пуховом платке. Я видела её в церкви. Она стояла недалеко от нас, переступая с ноги на ногу, шёпотом повторяя: “Господи, помилуй! Господи,

помидуй...” Красивое лицо — полные губы, яркие синие глаза, тёмная прядь волос завитком, выбившаяся из-под платка. Лицо умное, сосредоточенное.

— Вы не очень торопитесь? — с трудом сквозь одышку произнесла она, подбегая к нам.

— Нет, мы никуда не торопимся. Отдышитесь, пожалуйста! — Глеб мягко положил ей руку на плечо.

— Простите. Я да, я сейчас...

Некоторое время она молча стояла, положив руку на грудь, тяжело дыша.

— Я вот что хотела. Я видела, вы к Натальюшке нашей ходили. Специально к ней приехали?

— Да, специально к ней. — Стогов улыбнулся.

— Да, приезжать стали люди. Как хорошо... И к Серафиму Вырицкому, и вот теперь и к Наталии Вырицкой ездить стали. Слава Богу! — Она перекрестилась. — Я что хотела... — Женщина неожиданно смутилась и начала мяться.

— Вам чем-то помочь надо? — решила я ей подсказать.

— Да, наверное... Я, простите, вас никак не беспокою? — опять тревожно осведомилась она, исподтишка оглядывая роскошное кашемировое пальто Глеба.

— Наоборот. Мы счастливы будем с вами пообщаться! — успокоил он её, снова дотронувшись до плеча.

Она выпрямилась, в лице проявилось спокойное благородство.

— И я счастлива... Меня зовут Татьяна. А вас?

Мы представились.

— Я тут что-то вроде вольнонаёмной учительницы. Детей лепить учу. Летом у меня их очень много, зимой поменьше, конечно. Немножко про искусство рассказываю, в музеи ездим... Я бывший скульптор. Мы с ребятами занимаемся мелкой пластикой. Лепим фигурки, скульптурные мини-композиции и продаём их, кто сколько даст. Я с детьми бесплатно занимаюсь, своя пенсия небольшая, к сожалению. А мастерскую надо топить, и печка для обжига много электричества ест... В общем, мы, как сейчас модно, на самокупаемости.

— Понятно.

— Да. Вот. Я хотела вам предложить, если вдруг вам интересно, подойти к нам в мастерскую. Я вас ненадолго задержу. Может, что-то выберете себе, своим деткам или друзьям?

— Деткам очень даже можно, они будут рады. — Глеб подмигнул мне.

— Ой, как я рада! Ну, тогда пойдёмте. Здесь недалеко.

Мы немного прошли вперёд, потом свернули в небольшой переулочек. Подъездная дорога здесь кончалась, и дальше шла узкая протоптанная тропинка. Мы прошли по ней, задевая кусты акаций с лёгким снежным пухом на веточках, и упёрлись в зелёную калитку из штакетника. Я её узнала. Именно такие аккуратные, с нерусской педантичностью сделанные воротца и калиточки я запомнила в прошлый свой детский приезд в Вырицу. Сдвинув деревянную вертушку на калитке, Татьяна прошла к дому.

Милый домик с небольшим балкончиком и широкой застекленной террасой прятался в глубине заснеженного сада. Летом дом, наверное, был совсем не виден с улицы, — столько перед ним сейчас белело кустов и деревьев. Черные лианы с единичными тухлявыми сморщенными листиками свисали с крыши и водосточного желоба перед окнами террасы — остатки былой роскоши от буйно разросшегося дикого винограда.

— У вас летом, наверное, тут и цветов много?

— Цветы есть, но я совсем не цветочница. Растут старые многолетники. Семена, рассады — всё это я не делаю. У меня вообще всё тут растёт, как хочет. Я и траву особо не кошу. Так, немного, косой если только. Зачем? Вы знаете, какая русская трава красивая? Трава-мурава, она же птичий горец, клевер, мокрица, яснотка, пастушья сумка... А крапива, царица русского разнотравья, какова?!... Каждая былинка — красавица, глаз не отвести! А мы её триммерами. Слово-то какое, фу! Ой, что ж мы стоим, простите! Проходите, пожалуйста! Не разувайтесь!

Татьяна открыла перед нами дверь. Пахнуло натопленным деревенским домом, чудным ароматом каких-то трав, яблок, хлеба, ещё чем-то русским, родным...

— Ну что, нагулялись? — ласково спросила Татьяна у кошечек, подбежавших к ней под ноги. — Урчат, ишь, проголодались. Верхнюю одежду, пожалуйста, вешайте вот сюда и проходите. Сейчас я чаем вас буду поить, у меня есть вкусный сыр, пряники.

— Да вы не беспокойтесь, мы ... — попыталась возразить я, но Глеб, пихнув, сделал мне страшные глаза, и я умолкла.

— Ну, почему же? Вы же с ранней электрички. Чай — это всегда хорошо. Присаживайтесь пока вот сюда. Я на минутку.

Татьяна ушла за перегородку хлопотать на кухне, а мы остались в горнице, присев на стулья у стены. Комната была чисто убрана, но при этом сильно загромождена старой тяжёлой мебелью эпохи модерна, книжными шкафами, забитыми книгами под завязку, многочисленными полками с гипсовыми академическими слепками. В дальнем правом углу стоял угловой иконный шкафчик. Перед стройным рядом икон висела миниатюрная лампада из перегородчатой эмали и стоял аналой с небольшой стопкой потёртых книжиц с тёмными, расшитыми шёлком закладками. Круглый стол, на который хозяйка выставила три чашки на блюдцах и высокую вазу с антоновкой, был покрыт скатертью с бахромой. Очень скромный внешний вид дома совершенно не вязался с внутренним интерьером, словно вывезенным из петербургской квартиры начала века.

— Сейчас сядем за стол, — с приветливой улыбкой вернулась хозяйка, принесла блюдце с сыром, деревянную доску с нарезанным хлебом, конфетницу с мармеладом и пряниками. — Вода закипит, заварю чайничек. У меня иван-чай, вы не против?

— Это замечательно! Русский чай! — Глеб встал, подошёл к книжному шкафу.

— Здесь я живу. Там, за печкой, есть ещё комнатка небольшая. А в другой половине наша мастерская. Дом с улицы кажется небольшим, но на самом деле это крестовик, большой дом. За домом ещё птичник у меня, курочек держу. Яичек вам не надо?

— Нет, спасибо. Мы в Петербурге проездом.

Татьяна деликатно, еле заметно окинула нас взглядом. Но вопросов никаких задавать не стала.

Через пять минут она пригласила нас к столу. Мы немного перекусили. Поблагодарили за угощение, и я спросила:

— Татьяна, а вы знали блаженную Наталию?

— Лично нет. Мы купили этот дом в семьдесят седьмом, она к тому времени уже отошла ко Господу. Нас не интересовала тогда ни история посёлка, ни тем более православная страница этой истории. Приезжали иногда, проводить. Здесь сначала наши мамы жили. Они были подружками, хотели старость проводить среди леса, на природе, вне городской толчеи. А мы с мужем были молоды, дерзки, думали о чём угодно, но только не об этом.

В конце восьмидесятых пришли к вере. Муж перед смертью перебрался в этот уже опустевший дом. Ну, и я чуть погодя к нему переехала. Я ухаживала последние годы за ним. В местный храм стала ходить. Тогда-то от церковных старожил, тех, кто занялся восстановлением памяти о святом Серафиме, и узнала о юродивой, которая тут жила. Сейчас у нас при храме есть женщина, которую благословили собирать свидетельства о помощи и исцелениях по молитве старицы Наталии. Очень много людей с благодарностью возвращаются, пишут нам. Она, конечно, странной казалась. Многим была не понятна. Действительно, чудила часто. В коротком платьице, как девочка, могла ходить. Зимой в кроеном-перекроеном пальтишке с голыми ногами и по Вырице, и по Петербургу ходила. С корзинкой в руке, там у неё то курочка, то утка, то кошечка, то собачка сидела. Козла, козочек в доме держала. Много непонятого людям говорила. Люди сначала и не понимали, о чём она, а потом удивлялись, как она провидела всё, предупреждала... Мать Наталия видела людей, их скорби и болячки, и всегда старалась

им помочь. Знаете, прозорливость, иносказание — это всё составляющие. Но главное — та сила, та вера, та радость и свет, что исходили от неё. Любовь, понимаете? Наша вера — это ведь про любовь, правда? Что нам нужно? Чтоб нас утешили, приглубили, пожалели. Чтобы на душе было светло и радостно. Чтобы легко было. Она была очень мудрая. Любила маленькие подарки дарить. Через них она подавала благословение людям. Сообщала им веру в себя, в правильность своего пути...

— Говорят, она происходила из дворянского рода, образованная?

— Да, так говорят. Но о жизни её до приезда в Вырицу мало что известно. Я знаю лишь, что она приехала сюда из Печор, по благословению старца Симеона... Если вы просили её о чём-то, то она обязательно поможет.

Татьяна поднялась.

— Скоро электричка будет. После неё долгий перерыв. Вам на неё успеть надо. Пойдёмте, покажу вам мастерскую. Ой, ребята, в окно взгляните. Жемчуга какие! Видите, светится как? Это вот в феврале часто — солнышко пробивается теперь каждый день к земле. И небо перламутровым становится...

Мы поглядели в окно на светящееся небо, на белоснежные шапки сосен, графично чернеющих на горизонте.

— Только в России такое небо! — восторженно шепнул мне Глеб.

Пройдя через холодные сени, где в ряд стояли жестяные вёдра и на бревенчатых серых стенах висели веники, мы прошли во вторую половину дома, открыв мягкую клеёчатую дверь.

— Как знала, что будут сегодня гости. Сначала думала вечером печку затопить, перед учениками, а потом передумала, с утра истопила. Для вас, оказывается.

Справа высилась белой горой русская печь. Посредине большой комнаты стоял длинный деревянный стол с лавками. Возле стен на стеллажах стояли готовые поделки и заготовки. Широкий книжный шкаф, наподобие тех, что стояли в горнице, забит альбомами и книгами по искусству. Сверху лежала стопка журналов “Наше наследие” и небольшая горка то ли карт, то ли путеводителей. Ближе к окну расположилась металлическая печь для обжига.

— Вот так мы тут обустроены. Вот кадушки с глиной, там мы обжигаем, тут готовые работы, тут ребята могут посмотреть, читать про искусство. Я немного им рассказываю ещё. В музее вожу, дворцы наши, парки показываю. Учю мир видеть, не только экраны телефонов. Ходим, на небо смотрим, в поля, в лес. Но не за грибами, а на деревья любуемся, на солнышко сквозь ветки, на наши камни. Ходим на реку. Здесь очень красивые берега! Лепим, рисуем, описываем это всё... И вот что у нас получается.

Она подвела нас к одному из стеллажей. Там размещались дивные, яркие работы: пни с опятами, поваленное дерево с причудливыми корнями, белка, выглядывающая из дупла, разнообразные люди — лица, фигуры, подробные и эскизные, с обозначением-намёком движения, народные игрушки и академические этюды. Лодка с рыбаком, маленькие, трепетные копии статуи, групповые скульптурки на бытовые, исторические, евангельские сюжеты. Бусы, чётки, шкатулки, пиалочки, кони, коты умывающиеся, тянущиеся, лакающие молоко, спящие... Чуть поодаль от других работ стояла пушка с ядрами — потрясающая работа, завораживающая какой-то бравой энергетикой, вниманием к деталям, с инкрустацией и орнаментом по лафету.

— Эту пушку можно купить? — чуть ли не в один голос проговорили мы.

— Конечно! Цену у нас покупатели сами назначают. Дети сами отбирают на продажу вещи. Это их ассортимент. И выручка вся идёт на их учёбу, на поездки, на содержание мастерской.

— И белку, и лодку, и вот этого дядьку с бородой...

Глаза разбегались от красоты, таланта и безукоризненной правды этих детских работ.

— Вы, простите, как это всё делаете? То есть, что вы с детьми делаете, что они у вас так лепят? — Глеб казался потрясённым до глубины души.

— Да в том-то и дело, что ничего не делаю. Они сами всё делают! Глаза есть, руки есть, душа есть. А остальное... Я чуть-чуть направляю, учу. В остальном у нас полная свобода, — засмеялась Татьяна. — Дети — чистые души. Они, как губка, всё впитывают и всё считают. Любую фальшь, любое пренебрежение. Я их всех очень уважаю. И ценю. Вот и весь секрет.

Собрав все деньги, какие у нас были, оставив лишь что-то на обратные билеты, мы передали их Татьяне. Сумма получилась приличная.

— Спасибо вам! Благодарю вас за щедрость! Пусть эти скульптуры радуют вас... Ещё подождите немного. Я хочу вам кое-что подарить. От себя уже.

Татьяна подошла к другому стеллажу, покрытому ситцем с глиняными разводами, и что-то достала оттуда.

— Вам, Глеб, я хочу подарить вот эту птичку. Мать Наталия часто обращалась к людям с ласковым словом “птичка”, “птичка моя”... Это стриж — символ начала лета, счастья, символ возвращения. К себе, к истокам, к счастью, к чему-то ещё... не знаю... Зачем она вам — вы поймёте сами, это ваше сокровенное. Пусть птичка будет у вас, как благословение от вырицкой старицы.

Глеб молча, не глядя на меня, принял дар. Закрыв двумя ладонями крохотное тельце с острыми серпами-крыльями.

— А вам, Анастасия, я хочу подарить вот эту фигурку. Это сама блаженная. Видите? — как я и рассказывала.

На ладони у Татьяны лежала маленькая фигурка статной женщины в пальтишке, в чунях на босу ногу и с корзиночкой, из которой выглядывала мордочка лохматой собачки.

— Это вам на добрую память. Помните о ней, она вам всегда будет помогать своими молитвами.

Пора было уходить. Мы сердечно обнялись с Татьяной, попрощались и, потрясённые, пошли на станцию.

Шли молча. Я держала в руках тонкую статуэтку блаженной, Глеб сжимал стрижа. Ни неба, ни сосен, ни домов я не видела. Взор был обращён к душе, которая, как стриж в воздухе, неслась в бешеном счастливом полёте, кувyrкаясь и замирая в своём ликовании.